

Джаз, мотоциклы, футбол

И другие увлечения классического пианиста Дениса Мацуева

Вероника Гудкова

Рассказывают, что на свои концерты Денис Мацуев приезжает на мотоцикле, а за плечом у него сидит эффектная блондинка. Он сам говорит, что это сущая неправда. Вот кое-что из неоспоримых фактов. Денис Мацуев родился в 1975 году в Иркутске. Вырос в семье музыкантов. В 16 лет стал лауреатом международного фонда «Новые имена». Следующим этапом в его карьере была блестящая победа на конкурсе в Иоганнесбурге. Там он удостоился Гран-при. Потом была Московская консерватория. Мацуев поступил учиться в 1994 году. Много концертирует. Выпускает диски. В 1998 году он становится лауреатом Международного конкурса пианистов в Париже и в этом же году удостоивается самой высокой из своих конкурсных наград – становится лауреатом первой премии XI Международного конкурса имени Чайковского. Еще Денис Мацуев действительно увлекается джазом и очень любит футбол. А на концерте, услышав звонок мобильного в зале, может резко перейти с Бетховена на звучащий рингтон.

– Денис, вы артист мирового уровня и, можно сказать, гражданин мира. Как вы считаете, музыкант, подобный вам, – космополит или патриот?

– Это непростой вопрос. С одной стороны, ты играешь на правительственных концертах, ты понимаешь, что оценен государством – и это действительно огромная честь. Но, по сути, мне все равно, кто сидит в зале: президент или уборщица. Я не выбираю публику, но и не хочу ее ни терять, ни отпускать. Отечественная публика более ответственная, что ли, и для меня, конечно, более любимая, чем зарубежная. Но и заграничные слушатели мне тоже дороги, ведь каждого слушателя музыкант завоевывает собственным трудом, талантом. Я считаю, что человек искусства, исполнитель должен быть аполитичен и чужд классовых различий, ему должно быть, как говорится, по большому барабану, кто сидит в зале – главное, чтобы зал был полный. Мне приходилось играть... легче сказать, перед кем я не играл!

– Расскажите о творческих планах на ближайший сезон.

– Каждый раз, когда открывается сезон, начинаешь думать, справишься ли ты с этим. Замахиваясь на многое, главное – вытянуть это все. Но всегда есть с кого брать пример. С тех, кто всегда играет безумное множество концертов, гастролирует по всему миру. Я недавно понял, что люблю очень жесткий график. Многие коллеги говорили: ты не вытянешь – и качество пострадает, и здоровье подорвешь. Но я понимаю, что меня вдохновляет именно такой темп, эти сумасшедшие перемещения – самолет, репетиция, запись, концерт, снова самолет... Кстати, о записях: я довольно долго опасался записей, думал, что не готов к ним, но не так давно все же решился. Я записал Пятый концерт Шедрина с оркестром Баварского радио, дирижировал Марисс Янсон, диск вышел на лейбле Sony Classical.

– Большинство своих концертов этой зимой вы дадите в России или за рубежом?

– Я составил график так, чтобы угодить всем своим слушателям. Я думаю, что получилось примерно поровну. Основное событие сезона для меня – наш, мой и моей молодой команды, фестиваль «Крещендо». На сей раз он пройдет в апреле в Петербурге. После того как мы организовали

Нестрогая классика. Денис Мацуев за чашечкой кофе.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

его в минувшем феврале, мы всей командой встречались с президентом, и он одобрил наше начинание. В апреле планируется феерический гала-концерт в Царском Селе, во дворце.

Скоро выйдет мой новый альбом – это будут «Времена года» Чайковского и «Петрушка» Стравинского, я приму участие в фестивале «Балтийские сезоны» и в гастрольном туре с оркестром Санкт-Петербургской филармонии под руководством маэстро Темирканова, буду выступать с Большим симфоническим оркестром под руководством ма-

эстро Федосеева, с оркестром Спивакова. Намечены также концерты в Театре на Елисейских Полях в Париже, гастрели в Австрии, Голландии, Люксембурге, британский тур – Лондон, Бирмингем, Глазго и другое. Буду играть и камерную музыку: на фестивале «Крещендо» мне предстоит сыграть трио Шостаковича вместе с Владимиром Спиваковым и Татьяной Васильевой. Во-

обще весь сезон пройдет под знаком Шостаковича, в ознаменование столетия со дня его рождения. Придется играть его Первый концерт бесчисленное количество раз.

– Есть ли города, которые особенно вдохновляют вас?

– Разумеется. Если ты играешь в каком-нибудь маленьком итальянском или французском городке, например в Овере, где жил Ван Гог, то эта атмосфера не может на тебя не повлиять. Но я не могу не вдохновляться и моим любимым Байкалом, местами, откуда я родом, где прожил по-

претации, можно просто сойти с ума. Исполняя так называемую поп-классику, нужно стремиться играть достойно, на высоком уровне, но ждать каждый раз откровений я бы не спешил.

– Когда и как вы поняли, что музыка – ваше призвание?

– Мне часто приходится отвечать на этот вопрос, но постараюсь ответить по-новому. Дело в том, что я всегда любил выступать – не важно где, с кем и перед кем. Даже дома, перед бабушкой и бабушкой. Я очень рано понял, что могу играть для кого-то. Для меня был важен процесс – артист, публика, выступление. Когда я понял, что буду концертирующим музыкантом? Относительно недавно, если честно. До поры до времени музыка не была для меня самым главным.

– Удивительно для студента консерватории! А что же было главным?

– Наверное, спорт – футбол, хоккей. Но в какой-то момент я понял, что, во-первых, музыка – это то, что я умею в жизни делать лучше всего другого, а во-вторых, то, что, играя, я приношу людям радость. Ну, или слезы. Сознавая, что моя игра может как-то «расчувствовать» слушателя, я понял, что этим можно и нужно заниматься.

– Это произошло до или после эпохальной победы на Конкурсе имени Чайковского?

– До или после – я не помню. Но когда-то тогда пришло осознание, насколько нам во всех сферах не хватает настоящих профессионалов, насколько дело страдает от того, что мы часто хватаемся не за свое ремесло, что называется. Но и в том, что я хорошо делаю, мне порой многое не нравится – например, я не могу слушать свои старые записи. Они меня уже не устраивают.

– А как вы относитесь к критике?

– Очень хорошо! Мне очень полезно, когда меня ругают. Когда меня хвалят, я расслабляюсь.

– А себя вы не видите наставником молодых педагогов?

– Нет. Не чувствую в этом своей жилки. Каждый должен заниматься своим делом. Некоторые музыканты совмещают концертную деятельность и преподавание, но, боюсь, это не для меня. Я даже мастер-классов не даю. Возможно, я к этому пока не пришел, руки, что называется, не дошли. Просто не хочется.

– А на футбол времени хватает?

– Только по телевизору, и то кусочками. Хочется, конечно, поиграть, но увя – нет времени, да и форма не та. Свободного времени настолько мало, что я теперь получаю кайф от того, что могу просто прийти домой и расслабиться. Отключить телефоны, лечь и выпастись. Раньше я не мог усидеть

дома – мне надо было куда-то идти колбаситься, как теперь говорят. Общение, эмоции, тусовки с друзьями... Впрочем, активный отдых я не совсем забросил – играю в теннис, в боулинг. Хожу в баню! Русская баня – уникальное средство для того, чтобы восстановиться. Это целый ритуал. Меня ему еще в детстве учили, это из деревни идет, от бабушки. Может быть, когда я перестану играть на рояле, я открою свои бани. Почти не шучу!

– Вы пишете музыку?

– Меня к этому тянуло с детства. Еще маленьким, в Иркутске, я уже писал симфонию для фортепиано с оркестром (смеется). Но сейчас я понимаю: это особое призвание. Я немного пишу музыку и сейчас, иногда даже выношу ее на сцену, но пока я не готов к тому, чтобы называться композитором. Только не спрашивайте, когда я дирижировать начну, ладно?

– А такое может случиться?

– Понятия не имею. Не хочется следовать неудачным примерам замечательных инструменталистов, которые стали плохими дирижерами. С другой стороны, дирижирование симфоническим оркестром открывает совершенно новые возможности для музыканта. Иногда, когда я играю на рояле, я чувствую, что мне этого становится мало... но все же я считаю, что дирижером нужно родиться. Встать за пульт – как сменить инструмент для инструменталиста. Нельзя вот так просто взять дирижерскую палочку и гениально задирижировать.

– А ваш джаз?

– Мой джаз... я не могу назвать это джазом. Джазмен – это тоже призвание. У меня получаются некоторые вещи, есть своя программа, я выступаю с известными джазовыми музыкантами – но это не джаз, это скорее какие-то мои фантазии, какой-то мой стиль. И когда слушаешь гениальных джазменов, понимаешь, что не стоит в это влезать, пытаться встать с ними вровень.

– Вы очень самокритичны. Никогда не боялись поражения на профессиональном поприще?

– Я не знаю, что такое поражение в нашем деле, тут нет счета, как у футболистов – «солист проиграл оркестру с разгромным счетом». Но провалы бывают у любого музыканта. Вопрос в том, как он из этого выкручивается, выходит. Некоторых это ломает, некоторых, напротив, стимулирует. Самое страшное, что может случиться, – это не осознание на сцене, а поражение внутри себя. Я больше всего боюсь почувствовать, что мне нравится все то, что я делаю. Это, пожалуй, самое страшное. Хорошо, что родители не дают расслабиться – буквально размазывают меня после каждого концерта, замечают любую ошибку. Отец, мой первый педагог, до сих пор со мной занимается, за роялем со мной сидит, как тогда, когда мне было три года. Друзья говорят, что я ничуть не изменился со студенческих времен, не зазнался – дай бог чтобы и дальше так же было.

– Друзья, личная жизнь – на это хватает времени?

– Без друзей просто ничего бы и не было, они меня поддерживают, я бы при таких нагрузках без родных и друзей просто не выжил бы. А личная жизнь артисту необходима – главное, чтобы эмоции не шли во вред творчеству. Когда ты любишь кого-то, это странно вдохновляет на игру, и ты понимаешь, что находишься в какой-то высшей власти. Прежде я старался отстраниться от этого, оставлять, так сказать, за сценой, но теперь это вырывается и на сцену. Любовь, не важно к чему – к природе, искусству, родным или к женщине, – спасает от невзгод, безразличия, усталости...